83.3Л8Х
Л 19

Н. П. ЛАКОБА

ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ Д. И. ГУЛИА

(1945 — 1960)

83,3Абх
Л 18

Н. П. ЛАКОБА

ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ Д. И. ГУЛИА

(1945 — 1960)

12344

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЛАШАРА"
СУХУМИ—1985

83 3А67
Л 19

Лакоба Н. П. Заметки о поэзии Д. И. Гулиа (1945 — 1960) — Сухуми: Алашара, 1985. — с. 65.

В настоящей работе рассматривается идейная направленность поэзии народного писателя Абхазии Д. И. Гулиа послевоенных лет.

Л $\frac{3603020000}{М623(06)85}$ 102.85

© Издательство «Алашара», 1985

Глубокие преобразования, происшедшие в нашей стране в свете решений XX съезда КПСС, определили и новый этап в развитии многонациональной советской литературы, неотъемлемой частью которой является и абхазская литература. Большую роль в развитии абхазской литературы сыграло создание литературно-художественного и общественно-политического журнала «Алашара» (выходит с 1955 г.), издание детского журнала «Амцамбз» (выходит с 1957 г.), издание альманаха «Литературная Абхазия» * на русском языке, а также проведение II съезда писателей Абхазии в 1959 году. В эти годы расширилась издательская база. Произведения писателей Абхазии печатаются не только в Сухуми, но и в Тбилиси, и в Москве. В ряды писателей старшего и среднего поколений все активнее включается талантливая молодежь, значительно обогатившая художественную литературу. Заметно расширяется жанровый и тематический диапазон творчества писателей. В реалистическом изображении действительности наблюдается психологический подход.

Как отмечает профессор Ш. Д. Инал-ипа, уже первая Декада абхазской литературы и искусства, проходившая в Тбилиси в 1957 году, продемонстрировала «значительные достижения и бурный рост культуры, литературы и искусства Абхазской АССР» [1].

В процессе развития абхазской литературы, как военного, так и послевоенного периодов, деятельное участие принимал народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа, задавая тон в создании разнообразных в жанровом и тематическом отношении художественных произведений.

В рассматриваемые годы (1945—1960) в творчестве Д. И. Гулиа продолжает развиваться поэзия, отражающая жизнь советских людей в период войны и послевоенные годы. Обращается поэт и к историческому прошлому народа. Особое место занимает тема партии. Обширна тематика созидательного труда. Оригинальна любовная, емка и эмоциональная пейзажная лирика. Особое внимание в те годы Д. И. Гулиа уделял детской литературе.

---

* Вышло всего три номера, последний — в 1958 г. Однако журнал сыграл определенную роль в популяризации абхазской художественной литературы.

[1] Инал-ипа Ш. Д. Заметки о развитии абхазской литературы. Сухуми, 1967, с. 190.

Героическая победа советского народа, ознаменовавшая разгром врага в Великой Отечественной войне, стала вехой в истории нашего народа, в строительстве новой жизни.

И когда на всех языках страны под залпы победного салюта 9 мая 1945 года зазвучали стихи поэтов, родилось лирическое стихотворение Д. И. Гулиа «К морю»:

На зелень берега роса с небес ложится,
Понятно все без слов. Уж близится рассвет.
С тобою мы друзья: ты — море без границы,
Я — море радости, границ которой нет! [2]

(Перевод Б. Серебрякова)

Сколько души, поэтической образности и обаяния влилось в эти строчки. Величие чувства радости впадает, как река, в величие моря, на берегу которого поэт ожидал рассвет, охваченный торжественной вестью.

С полной отдачей своего дарования посвящает Гулиа победе и такие стихи, как «Корабль пришел» (1946), «У пристани» (1948), «В сердце — май» (1955).

И вполне естественно, что Отечественная война, в которой жизнь представляла собой не меньший подвиг, чем сама смерть, победа продолжает вырисовываться по-особому. В ночной тиши, впервые после того, как «стихли грозные битвы», поэт с волнением наблюдает за огнями приближающегося корабля к бухте родного города и говорит:

[2] История советской многонациональной литературы. М., 1972, т. 4, с. 9.

После долгих тревог мне доводится только сейчас
Видеть столько знакомых, беспечно светящихся глаз, —

* * *

Я погладил обшивку, прошелся ладонью по ней,
Прикоснулся к холодному борту горячей щекой —
Трепетало могучее сердце громады стальной.
И, не в силах живое волненье свое превозмочь,
Бились наши сердца в унисон в эту летнюю ночь [3].

(Перевод Л. Длигача)

«Стихотворение «Корабль пришел», — пишет В. Л. Цвинариа, — было бы менее значительным, не было бы гулиевским без его обобщающей концовки, в котором эмоционально окрашенные мысли и переживания сливаются полностью» [4].

Данный метод художественного воспроизведения Гулиа поэтичен и содержателен. Такой обобщающий прием характерен для лирики поэта последних двух десятилетий.

В стихотворении «В сердце—май!» поэт крупным планом представил одновременно радость победы, воспел упрочение мира на всей планете и призвал к созидательному труду. Показывая кавказскую природу, охваченную весенним пробуждением, Гулиа рисует картину обновления:

* * *

Восходит солнце, юностью сияя,

[3] Дмитрий Гулиа. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976, с. 132—133. (Здесь и далее стихи цитируются по данному изданию).

[4] Очерки истории абхазской литературы. Сухуми: Алашара, 1974, с. 137.

* * *

И море по-особому шумит,

* * *

А небо, небо! В нем простор и ласка,
Вся синька вышла на его окраску,
Сияет купол — солнечный, литой —
Какой-то небывалой красотой,
И по нему плывущее светило
Одежды золотые обновило.

Для выражения мира и созидания найдены светлые, выразительные поэтические краски, заставляющие думать, чувствовать, видеть и ощущать новое:

И слышу я:
весна, весне, весной...
И слышно мне, как дышит шар земной,
Как вечный гром над тучами грохочет,
Смеется ливень, девушки хохочут.

Гулиа добивается многостороннего ассоциативного восприятия, которое подводит к поэзии труда и мира:

Все это верно. Все правдивы речи,
Весной строка наполнена моя ...
Но все сильней порыва не тая,
В труде хлопочет сердце человечье, —
А главное не в этом ли, друзья?
И разве пробужденье и расцвет
Народов, тех, что спали сотни лет,
Не радостнее шума вешних вод,
Не выше, чем парящих птиц полет,
И не светлей, чем синий небосвод?

И громче грома голоса слышны —
О мире клич: не допустить войны!
Встают народы, сбросив гнет неволи,
И это людям радостно до боли,
И слезы счастья чище рос весны...

(Перевод В. Державина, с. 212—213)

Своеобразными поэтическими формами выражено то, что было свято для самого Гулиа и для всех миролюбивых людей.

Отражение действительности дает возможность представить и осознать смысл жизни во всей ее полноте. Такому восприятию способствует как выбор самого поэтического слова, так и его художественное обрамление, заключающееся и в графическом строе стиха, и в интонационно-экспрессивных паузах.

Миру и дружбе народов посвящены также стихотворения «Голубь» (1952), «Счастье» (1956) и др. В «Голубе» отражена тема мира во всем мире.

Поэт, вспоминая о своем озорном детстве, когда птица-символ воспринималась как забава, пишет:

Когда бы детство мне вернуть,
То к солнцу вешнему в зените
Я голубям открыл бы путь:
«Летите, голуби, летите!
Во все концы, во вся края
Несите счастье по дорогам!..»
Когда б мальчишкою был я,
Сегодня я бы их не трогал.

Романтические чувства, связанные с символом мира, поэт воспитывает в своем внуке, в детях. И когда по уговору деда внук выпускает из своих рук

птицу и вольный голубь взвивается ввысь, поэт восклицает:

Как этот голубь дорог мне!
В нем мира видится победа.
И звонко бьются наравне
Два сердца — мальчика и деда.

* * *

Летит, кружит в небесной шири
Крылатый символ мира в мире!..

(Перевод М. Соболя, с. 181—182)

Любовь к Абхазии, ко всем народам страны у Гулиа вылилась в стихотворении «Счастье»:

Абхазия моя — со мной,
И вся страна Советская — со мной,

* * *

И люди гор, и жители степей.
Все люди дороги душе моей,
Кто ищет дружбы,
Хочет в мире жить.
Мой светлый дух войной не устрашить.
Перед грозой лицом не побледнею.
В семье друзей я горд страной своею:
Какое счастье жить в большой семье
родной!

(Перевод В. Державина, с. 222)

Единство, взаимопомощь, взаимопонимание народов и любовь поэта к людям искренне отражены и в других лирических стихотворениях Гулиа: «Новогоднее»

(1951), «Признание» (1952), «Человек в горах» (1952).

Проследим, насколько глубоко и своеобразно отразилась любовь поэта к Абхазии, к советской Родине в стихотворении «Признание»:

Дороги мне эти горные кряжи,

* * *

В жизни смогу ли без них обойтись?

* * *

Но если родина мне поручает
Жить и работать в широкой степи —
Значит, я друга в степи повстречаю,
Значит, в дорогу коня торопи!

(Перевод М. Соболя, с. 178)

Характерно здесь то, что любовь поэта не просто одностороннее чувство, а чувство огромное, требующее глубокого осмысления.

Особым поэтическим обаянием овеяны задушевные строки лирического стихотворения Гулиа «Новогоднее»:

Я клянусь: обычай славный —
Поднимать бокал заздравный
За друзей, за весь народ!

Затем следуют поэтически оригинальные мысли и пожелания в иной строфической форме, в другой интонации:

* * *

Хотел бы ковшом-исполином
Ворочать громады земли,
Чтоб волжским великим плотинам
Они основаньем легли.

Или же:

* * *

Хотел бы землей Украины
До самого Крыма шагать,
Друзьям-ленинградцам машины
Для строек помочь собирать.

(Перевод М. Соболя, с. 158—160)

Эти необычные, красочно выраженные желания, имеющие философски обобщающий смысл, поэт слагает в преклонном возрасте. Во всем сказанном стремление поэта сводится к тому, чтобы, минуя войну, говоря словами мудрого старца, «с внуками» вместе «до дней коммунизма дойти». В ткань этого произведения рефреном входят определенные строки, закрепляющие основной смысл.

Мирной обыденной жизни Гулиа посвятил стихотворения «Другу» (1952), «Московская площадь» (1952), «Песня» (1953) и др. В перечисленных произведениях (за исключением стихотворения «Другу») отразилась спокойная повседневная жизнь советского народа. А в лирическом стихотворении «Другу» очерчен национальный колорит, в котором показано, что у горского народа изживают себя несовместимые с современностью отрицательные стороны косных обычаев и нравов. Для уяснения того, как и на какой основе регулируются сложные жизненные вопросы, как они отразились в данном поэтическом произведении, обратимся к строкам стихотворения:

* * *

Предок мой, заспорив беспричинно,
Твоего кинжалом поразил.

Прадед твой, едва лишь стал мужчиной,
Моего в отместку застрелил.
Много лет аулы среди гор
Кровью разрешали давний спор.

(Перевод М. Соболя, с. 176)

Но теперь, когда «горцам» жизнь равно «улыбается», когда «бригады» «в аулах» соревнуются между собою за лучшие показатели, строят более просторные школы, ...то вместе с подъемом уровня благосостояния происходит процесс духовного обогащения. Нормализуются взаимоотношения между враждовавшими людьми. Об этих великолепных гуманных человеческих началах и новых качествах горцев и отзывается Д. И. Гулиа.

Всевозрастающий творческий стимул поэта позволяет ему и в преклонном возрасте, не замыкаясь в узкие рамки изображения окружающей действительности, вникать в многоликую жизнь народов. Так, в стихотворении «Осень в Подмосковье» (1956) через восприятие подмосковной осени полнокровно передаются благородные мысли и чувства поэта о доброте к людям различных континентов. Кроме того, стихотворение «Осень в Подмосковье» служит также одним из ярких свидетельств признания самого поэта.

* * *

«Я должен
Размышлять и работать,
Работать и думать
Даже в годы мои,

* * *

Без скидок, без жалоб...
Работать,
Писать».

(Перевод В. Державина, с. 232)

Причем слова «я должен», «работать, писать» интонационно и графически выделены для впечатляющего восприятия. С этим перекликаются стихи Д. Гулиа «Я все могу»... (1956) (Из цикла «Весенние настроения») и стихотворение «Тост» (1956).

Неиссякаемая творческая энергия писателя еще раз проявилась в его стихотворении «Я все могу».

Я все могу: подняться в высоту,
Поспорить с быстрой птицей на лету,
Создать моря и передвинуть горы.
Я все могу!
Любить — и до крохи
Всю жизнь отдать, коль надо, ради друга,
Идти в бои (врагу придется туго!),
Построить дом и написать стихи.
Я все могу: перебороть года,
Чтоб жили в песне молодость и сила,
И сердце разрывать себе, когда
Тебе, мой друг и брат, невыносимо.
Стою под солнцем, землю берегу...
Я — человек. Я все могу.

(Перевод М. Соболя, с. 224)

Содержание стихотворения, его архитектоника предельно ясно передает высокое назначение человека в жизни и обществе. Истоком щедрых неисчерпаемых

возможностей мыслей и чувств поэта служит неиссякаемая любовь к людям.

В стихотворении Гулиа «Тост» заздравная интонация поэта выделяет все самое прекрасное в человеке:

Имя есть на земле одно,
Нет в природе ему сравнений,
Громовых раскатов звучней оно,
Бурь сильней и землетрясений.
Тот, кто носит его, — выше гор,
Выше жизнедарящих рек.
Ярче солнца оно озаряет простор.
Это имя — Человек.

(Перевод В. Державина, с. 233)

Лирические персонажи у Гулиа — это труженики, это славные «сыны отчизны», это советские люди, у которых «стремления чисты» и «непочатая сила и нежность воедино слиты», говоря словами автора.

В лиро-эпическом стихотворении Д. Гулиа «Вот кто я...» (1957) дается откровенный и пространный ответ, который охватывает и прошлое и настоящее не только самого Гулиа, но и всего края. Д. Гулиа, распахивая щедро свою душу, правдиво раскрывает свою сущность, отражая при этом свой взгляд на связь времен, на связь поколений. Прежде всего Гулиа подчеркивает, что он «советский человек».

«..Сын земли. Точнее — сын абхазский
и потомок тех, кто отгонял
от Кавказа воинов арабских,
голову пред шахом не склонял.
По наречью — люди Адыгеи
и черкесы — это братья мне.

Я потомок тех, кто не сгорели
за тысячелетия в огне.
Я — абхазец!»

Своим «я» поэт обобщенно характеризует свой народ с его тяжелым историческим прошлым. Вслед за этим рельефно очерчивается то великое, что принесла Октябрьская революция народу. И возрождение народа на новом этапе исторического развития выразилось здесь в строках:

«А его советские деянья
на знаменах золотом горят!»

В новой современной жизни идеал Д. И. Гулиа — добродетельный человек, о котором в последующих заключительных строках стихотворения говорится:

«Всякий,
кто идет к добру как к цели,
близок мне,
как будто кровный брат?»

(Перевод Ст. Куняева, с. 235—236)

Данный прием поэтического произведения в виде «вопроса-ответа» привлекает своей оригинальностью.

Неугасимый пыл души, жизнелюбие, трудолюбие — словом, все то, в чем заключается смысл жизни, отражается у Д. И. Гулиа как в рассмотренных произведениях, так и в лирическом стихотворении «Старику» (1959). Вероятно, Д. И. Гулиа писал здесь о себе. Даже в преклонные годы его не покидает творчество.

Пускай все люди говорят — ты стар,

* * *

Ну а в глаза твои кто бросит взгляд,
Тот убедится, как зрачки блестят,
Когда ты смотришь на вершины скал.
Все говорят, дружище, про года.
А сердце слышали они твое?
Нет или да?

Конечно нет!
Горит огонь нетленный,
Ты проникаешь мыслью дерзновенной,
Как острою ракетой — в глубь вселенной,
Где и твоя звезда горит, твоя звезда!

Истоки такого «дерзновения» получают здесь же соответствующее объяснение:

...с юных лет ты ум свой, как кинжал,
Оттачивал. И потому он прочен,
Не знает устали ни днем, ни ночью, —
Доныне молод, закален, отточен
Кинжала нержавеющий металл...

Не останавливаясь на этой мысли, поэт из собственного жизненного опыта выносит следующие поучительные строки:

...Лишь только не давай, чтоб сердце жар
Угас, и не давай покою
Ни сердцу, ни уму.
Тревогою такою
Ты сохранишь весны бесценный дар...

(Перевод Е. Долматовского, с. 243—244)

Очевидным становится то, что данные косвенные объяснения имеют прямое отношение к складу харак-

тера самого Гулиа, к его энергичной натуре, плодотворному и многогранному дарованию, неугасимому жару богатой души.

О даре глубокого понимания поэтом природы говорят стихи «На морском берегу», «Парус», «В воздухе». Эти произведения не случайно объединены в цикл под рубрикой «Весна 1956 года» *. Описывая лазурное море в стихотворении «На морском берегу», поэт проводит параллели между характерными свойствами моря и чертами человека. Здесь море и человек как бы сливаются в одно целое, составляя единую гармонию:

Я над утренним морем стою
И под шум его думаю думу свою:
Вот каким должен быть
Человек настоящий —
Необъятный душой, как оно,
Полный силы живой, как оно,
Как простор этот, вечно шумящий,
Мчащий бурные волны в разгоне
безбрежном.
Должен быть он и ласково-нежным,
Словно море летней зарей.

(Перевод В. Державина, с. 220)

Наблюдательность поэта позволяет ему распознать многоликую действительность. В результате рождается бесчисленное множество тем, сюжетов, в которых вычерчиваются пластические образы, встречаются удивительные художественные параллели, образные сравнения. Например, в стихотворении «Парус» в воображении художника рождается интересная параллель. С одной стороны, очень тонко пробивается мысль об огромном значении чести в жизни людей. С другой, вырисовывается участь иных — бесполезных и беззаботных людей, о которых говорится:

Парус в море лазурном
Уплывает под солнцем куда-то,
Чуть качаясь на тихой волне.
Скрылся вскоре
Бесследно
В сияющем море.

* * *

Так иные из нас
По затишью житейских заливов
Без забот и трудов
Проплывают по воле судьбы;
И они, как тот парус, уходят из глаз,
Исчезают навек, без следа.
И не знаешь ты: жили они
Или не было их никогда.

(Перевод В. Державина, с. 221)

А сколько раздумий, жизненного задора и художественной оригинальности в стихотворении «В воздухе». Какую же сюжетную нить находит поэт и чем ее насыщает, чтобы впечатляюще отразить суть различных перемен, суть своих волнений, своего взгляда на жизнь? Для этого Д. И. Гулиа понадобился полет в самолете над своей республикой:

Я запомню навек этот радостный день:
Проплывает земля подо мной,
Гудаута...

* В этот цикл включено стихотворение «Счастье», но мы его относим к стихам, посвященным миру и дружбы народов.

12344

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

И не Гагра ли там впереди?
Вот я вижу: два буйвола тянут арбу
На узкой полоске шоссе,
Но не видно — идут они, или стоят,
Или пятятся вместе с арбою назад?
И подумал я: если б такой самолет
Дали в молодости тебе!
И обидно мне, очень обидно теперь,
Что я долго сидел на арбе.

Эти лирические строки Д. Гулиа направляет современным молодым людям:

Молодые! Завидую вам, —
Жизнь свою вы прекрасною сделать вольны,
Если с детства вам крылья такие даны!

(Перевод В. Державина, с. 221—222)

* * *

В послевоенное десятилетие сделалась обширной политическая лирика, насыщенная историческими и революционными мотивами. В творчестве поэтов звучали стихи, посвященные героике революционной России и стихи о партии, о Владимире Ильиче Ленине. В этом плане, прежде всего, привлекает внимание патриотическая муза Д. И. Гулиа, обогатившая поэзию такими глубоко выношенными произведениями, как «Аврора», «Петроград», «Ленин», написанные в 1947 году; стихотворения «Пламенное слово» (1949), «Партия» (1952), «Защитнику нашей страны» (1952), «В мавзолее Ленина» (1953), «О Ленине» (1954), «Дума о Ленине»

(1955), «Ленин с нами» (1956), «Наша сила» (1956).

В стихотворении «Аврора» поэт выразил свое отношение к напряженной и сложной действительности, отношение к тому, что было связано с именем революции, с именем борьбы и победы:

...Был выстрел с «Авроры» сильней, чем раскат
громовой.
Он грянул внезапно над городом и над Невой,
Он был для трудящихся голосом правды живой.

* * *

Усиленный эхом, звучал орудийный удар;
Блеснув над Невой, он разжег небывалый пожар.

* * *

Настали суровые, неповторимые дни.
Бессмертной страницей в историю входят они.

Поэт сумел в чеканных строках отметить решающую роль трудящихся, партии, роль В. И. Ленина в этой битве:

* * *

Народ поднимала призывная речь Ильича,
И Партии слово дошло до несчетных сердец.
Неволе и гнету пришел долгожданный конец.

(Перевод Л. Длигача, с. 136—137)

Написанное в тот же период стихотворение «Ленин» по своей идейно-тематической направленности служит как бы прямым продолжением рассмотренного выше произведения. Только здесь основная мысль выражена

в иной стихотворной форме и полнее предстает перед читателем образ вождя.

* * *

...Как ясный свет, враждебный лжи и мраку,
Раздался голос Ильича.

* * *

Не потускнели в памяти поныне
Сигнал «Авроры», пламя над рекой,
Ильич на бронированной машине
С протянутой в грядущее рукой.

Неизмеримо большая любовь народа и любовь самого поэта к вождю вылилась в своеобразные строки:

Прочней, чем вечный камень Мавзолея,
Любовь к нему в любом из нас жива.

И дальше о Москве — сердце советской России поэт восторженно восклицает:

Рубиновым созвездием алея,
Над всей вселенной высится Москва.

(Перевод Л. Длигача, с. 137—138)

Особый резонанс получило стихотворение «Партия». Оно переведено на многие языки народов.

Авторская идея предстает величественно и красочно:

Пускай природа силою своею
Сдвигает грозно кручи гор седых...
Но партия во много раз сильнее:
Она и рушит и возводит их.

* * *

Вот над землей сияет солнце, грея
Просторы мира в ясный день весны...
А партия во много раз светлее:
Ее огнем сердца озарены.

* * *

Земля без солнца — мертвая планета,
Дыханье жизни — в солнечном тепле,
Нет без него ни воздуха, ни света,—
Без партии нет жизни на земле.

(Перевод М. Соболя, с. 163)

Смысл данного произведения эмоционально воспринимается через гармоничную структуру стиха и образный его спектр.

С рассмотренным произведением перекликается стихотворение Гулиа «Наша сила», написанное в 1956 году. На наш взгляд, в смысловом и художественном отношении данное произведение является не менее значительным, чем стихотворение «Партия». В нем животворная сила нашей партии, рожденная Октябрем, звучит особо:

Есть в мире сила мускулов играющая,
Есть сила рук, что жизнь превознесли,
Есть сила ветра, острова срывающая,
И сила сотрясения земли.
Да, это так. Но сила есть всесильная,
Есть правда нашей партии родной.
Она ведет народ и стала символом
Народной силы праведной, прямой.
Есть сила — сила партии безмерная,

Священная,
счастливая,
бессмертная.
Вот правда коммунистов, нас ведущая
Всегда вперед, всегда вперед,
в грядущее!

(Перевод Е. Евтушенко и М. Луконина, с. 229)

Из вышеназванных поэтических произведений Д. И. Гулиа, посвященных партии и В. И. Ленину, стихотворение «Ленин с нами» (1956), в свою очередь, идейно перекликается со стихотворением «Наша сила». Эти два произведения созданы под впечатлением претворения в жизнь решений XX съезда партии.

В стихотворении «Ленин с нами» воспевается сила ленинизма с непосредственным участием самого вождя в работе очередного съезда партии:

Как некогда на съезды приходил,
неразделенный с нами скорбной датой, —
живой Ильич
пришел на съезд Двадцатый,
родной,
простой,
каким при жизни был.

Мысль о бессмертии Ильича, вера в его кипучую деятельность, слившиеся воедино с деятельностью партии и правительства, повторяются и в последующих строках:

...Нет, не виденье, не игра ума —
бессмертен духом,
правдою нетленен,

на съезд Двадцатый
к нам явился Ленин,
всегда живой, как партия сама.

(Перевод М. Соболя, с. 218—219)

Очевидно, что эти мысли воспринимаются по-новому по той причине, что выражены они в особом своеобразном контексте. Своеобразие заключается в выборе слова, его окраске, форме выражения, интонации, в аранжировке и инструментовке стиха. Наличие указанных средств образует оригинальную логическую законченность как каждой поэтической фразы, так и произведения в целом.

Д. И. Гулиа в стихотворении «О Ленине» (1954) удалось формой диалога деда с внуком выразить то, что так близко связывало вождя с народом, т. е. конкретизировать взаимосвязь вождя и народа. Вместе с тем, данная форма позволила поэту сжато воспроизвести облик гениального вождя, описать основные черты его характера:

Он был человеком, как все мы, но больше
В глазах у него доброты.
Он был человеком, как все мы, но больше
В нем мудрости и простоты...

* * *

Но больше
В нем солнечной радости было.
И взором орлиным
Сквозь годы, сквозь тучи
Он видел всех дальше.

* * *

Он множество знал языков и наречий,
Но лучше всего он постиг
Взволнованный голос сердец человечьих —
Чудесный и трудный язык.

(Перевод М. Соболя, с. 197—198)

Строфика, выбор поэтического слова, паузы, рефрены способствуют глубокому восприятию сути произведения, в котором тщательно выписан бессмертный образ вождя.

Наряду с написанными ранее произведениями на тему революции, такими как «Аврора», «Петроград» и др., поэтом в последние годы созданы не менее художественные лирические стихотворения, это «4 марта 1921 года» (1955), «Пусть сто и сто...» (1956), «Иду с октябрем» (1957) и др.

В стихотворении «4 марта 1921 года» поэт день ознаменования власти Советов в Абхазии рисует в сравнении с возрождением природы и человека в родной его республике:

С весной родилась
Советская власть,
Весна для моей возрожденной страны,
Весна для моей Апсны... —

восклицает поэт.

Гармония торжества природы и человека предстает в облике нового, великого:

...В этот день мой абхазский народ
Духом воспрял,
Силы собрал,

Увидел свет,
Увидел — цепей на руках его нет...

(Перевод А. Щербакова, с. 211)

Вновь и вновь Д. Гулиа обращается к теме борьбы и победы советского народа в строительстве новой жизни. Так, в стихотворении «Пусть сто и сто...», посвященном Октябрьской революции, энергично и вдохновенно звучат слова поэта:

Пусть сто и сто пройдет таких же дней —
И внуки внуков, оглядев планету,
Пусть радуются жизни, песням, свету
Как я сегодня, и еще сильней.

Подкупает логика оригинального мышления поэта. Всматриваясь в будущее, поэт предельно сжато и экспрессивно выразил свой взгляд на жизнь, свои мечты и желания:

В грядущее, мечта моя, веди:
Пусть за плечами беды канут в Лету.
Одни победы будут впереди!
Пусть сто и сто, и многократно снова,
Светло и звонко, просто и сурово
Он повторится, изначально прав, —
День величавый ноября Седьмого,
Борьбой, любовью,
жизнью
смерть поправ.

(Перевод М. Соболя, с. 217)

Д. И. Гулиа, как бы конкретизируя истоки своих суждений, создает лирическое стихотворение «Иду с

Октябрем», в котором сопоставлены переживания поэта в прошлом с его состоянием в настоящем. До революции Д. Гулиа, во цвете лет подавленный жизнью, считал себя выбившимся из сил, «дошедшим до грани», в чем трогательно признается:

Было за сорок мне. И казалось,
Что дошел я до грани, где жизнь обрывалась.

* * *

Так я шел и растрачивал сердце свое,
Как последнюю горсть серебра,
Видя сам, что надолго не хватит ее...

* * *

И Абхазии участь — отчизны моей —
Затмевалась, мерцала вдали, как звезда...

Но с победой власти Советов в Абхазии жизнь поэта, посвятившего всего себя развитию культуры родного народа, предстает иначе:

* * *

Так в ту пору, когда я — вот-вот —
Пасть готов был без сил...

* * *

Будто под руки кто-то меня подхватил,
Будто крылья тогда у меня отрасли
И вперед,
и вперед,
и вперед понесли...

* * *

Все, чем жил я
И ради чего я трудился —
Моего дорогого народа судьба, —
Вся печаль и вся горечь,
Что в сердце скопилась,
Словно в сказке,
В чудесный бальзам обратилась
Для меня самого.
И еще прожил я сорок лет...—

* * *

И я знаю — Абхазии милой звезда
Не померкнет теперь...

* * *

Я иду с Октябрем
все вперед
и вперед...

(Перевод В. Державина, с. 237—239)

Рефреном внесенные в ткань произведения строки «...все вперед и вперед»... обобщенно выражают уверенность автора в расцвете родной республики.

Глубокий историзм и психологизм отражаются в развернутом стихотворении Гулиа «Защитнику нашей страны» (1952). Здесь сконцентрированы впечатляющие ассоциации. Предстает образ русского солдата времен Октябрьской революции, революционного движения на Кавказе и Великой Отечественной войны. По существу и в реальном представлении поэта русский солдат по своему идейному воплощению и духовному складу остается самим собой во все периоды на

всех этапах борьбы. Отсюда и художественный прием создания облика русского воина необычен. Он — целостная натура в своем многообразии. Это одна сторона художественного воспроизведения действительности, что предстает в таких красках, будто поэт встречает на своем жизненном пути то ли «отца», то ли его «сына», то ли «брата» (но русского солдата), прошедшего огонь всех боев за свободу и независимость народов великой России.

* * *

В семнадцатом году, в начале века,
В дни Октября я видел человека,
Которого напоминаешь ты.
Он Зимний в Петрограде штурмовал,
И обликом, и духом схож с тобою.

* * *

Не твой отец ли это был, солдат?
А может, это был твой старший брат?

Далее читаем о том, что «вторая встреча» поэта с бойцом «произошла в горах, на Черноморском побережье». Затем поэт встречает пожилого рабочего в Москве и говорит:

Вгляделся — он! Я узнаю Петрова.

В итоге раскрывается оригинальный поэтический замысел произведения путем ответа на вопрос:

«Я не Петров, — рабочий мне ответил. —
Но Зимний брал и на Кавказе был.
В голодный год с людьми свой хлеб делил

И, как страна, как весь родной народ,
Я говорю: «Вперед!
Всегда вперед!..»

Другая сторона этого реалистического произведения заключается в том, что здесь хронологически представлены этапы героической борьбы за свободу Отечества:

Да славится советский наш солдат —
За наш Октябрь, за подвиг Первой Конной,
За битву под Москвой, за Сталинград.
За мой Кавказ, за Крым, за Украину,
За все освобожденные края
Любимого защитника и сына
Сегодня славит Родина моя!

(Перевод М. Соболя, с. 167—168)

Данный экскурс по огневым линиям и перечень побед в боях ярко характеризуют советского воина, воина-освободителя, не щадившего себя за народное дело.

Историзмом проникнуто стихотворение Гулиа «Малочисленным народам» (1948). Описывая борьбу за независимость родной республики, поэт с болью обращается к малочисленным народам и других континентов, которые пока еще находятся в порабощении. Всматриваясь в ход истории развития общества, поэт предсказывает о неминуемом возрождении жизни закабаленных малочисленных народов в недалеком будущем.

Для отражения жизни поэт нередко использует и романтическую символику, способствующую красочному восприятию преподнесенной мысли. Так, например, в символическом ключе написаны стихотворения «Моя

родина» (1948), «Нас слышит целый мир» (1949).

В стихотворении «Нас слышит целый мир» поэт обращается к столице родины — Москве. «Голос» любимого города поэт как бы слышит и чувствует совместно со всем прогрессивным человечеством. Воспевая Москву и всю Родину, динамично очерчивает могущество нашей страны:

* * *

Я слышу голос. Говорит столица.
Родимый голос тот, и ласков и могуч,
Сквозь мглу пространств сюда, ко мне, стремится.
Тот голос мне советы подает,
Вперед и ввысь идти мне помогая.
А в час, когда земля в ночной тиши лежит
И сонмы звезд горят над морем и над сушей,
Ты думаешь, что спит Москва? Не спит!
Со всей землею говорит! Послушай!

(Перевод Л. Мартынова, с. 143—144)

Такой же интернациональный характер носит и красочное стихотворение «Моя родина». Здесь речь идет о молодой цветущей родине и о связи ее главного города со всеми городами страны и народами мира.

Героизм и непокорность предстают в романтическом плане в высокохудожественном стихотворении Д. И. Гулиа «Олень» (1952). Восхитительно то изящество живописной зарисовки, которая дана здесь символичному образу — оленю:

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки...
Рога — как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

В великолепном создании предстает его несогбенный дух:

И пусть окружен он и ранен,
Но он на колени не пал — ...

Художественный образ горного красавца, представшего перед взором «живым изваянием», овеян романтикой. Но романтика эта имеет под собой жизненную основу. На первый взгляд мнимо хрупкое создание способно стать монументальным и недоступным:

Казалось, он должен смириться, —
Охотник живым заберет...
Но, ринувшись в пропасть, вперед,
Он стал на мгновение птицей.

(Перевод М. Соболя, с. 183)

Восприятие этой картины эмоционально. Смелость и духовная возвышенность в данной ситуации потрясает и подкупает. Свойственная горному созданию черта — не сдаться, условно и обобщенно переносится на жизнь людей, на общество. В заключение она сводится к высокому воззванию: «...Лучше погибнуть свободным, чем жить, оставаясь рабом», что перекликается с афористичными строками Ш. Руставели — «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор».

Романтизм лирической драмы этого произведения и поэтическое звучание вышерассмотренных стихотворений оказывают глубокое воздействие всей своей художественной целостностью. Характеризуя поэтические произведения Д. И. Гулиа, посвященные революции и В. И. Ленину, Константин Симонов пишет: «Великая русская революция, принесшая в его Абхазию именно

то, чего ждал и о чем мечтал этот человек, оставила в его душе воспоминания такой силы, что стихи, написанные им уже в восемьдесят лет, на закате жизни об этой революции и о Ленине, оказались одним из самых лучших стихов вообще написанных... за последние годы, — страстными, гордыми, полными благодарности за судьбу своего народа» [5].

Д. И. Гулиа неоднократно обращался к теме возрожденной жизни Абхазии и безотрадной истории ее в прошлом в эпическом плане. Прошлое, как боль души, испытанная с детства, и тема современности, как радость жизни, порой представленная в контрастном сопоставлении, освещены в цикле стихов под рубрикой «Мой город» (1952), в «Балладе о спасенном пастухе» (1952), в поэме «Мой очаг» (1954) и в ряде стихотворений.

В лиро-эпической поэме Д. И. Гулиа «Мой очаг» отразились суровые годы периода русско-турецкой войны (1877—1878 гг.), когда абхазов насильственно выселяли из родных мест на чужбину. Трагическая действительность прошлого, пережитого в детстве самим поэтом, оставалась в памяти незабываемой. Ужасы войны, изгнания и последствия, связанные с ними, послужили темой поэмы. Реалистическое в своей основе произведение начинается с эпического повествования о том, в каких условиях находилась Абхазия в годы войны. Ярко характеризуется сама военная ситуация со всеми последствиями.

* * *

В том году
весть пришла, предвещая беду, ...

[5] Симонов Константин, ст. Черты облика, Литературная газета, 12 апреля 1960 г.

* * *

стонет берег морской,
стонет Черное море,
льются слезы кровавой рекой,
людям — горе.
Гасят жизнь человечью, как пламя свечи.
Со штыками скрестились кривые мечи.

* * *

Уже я слышу: выстрелы звучат
все чаще, чаще — словно крупный град
по нашей кровле лупит наугад.
И под Сухумом дыма пелена,
В огне над Очамчирами луна,
и над Уарча
зарево все ярче —
шагает по Абхазии война...

(Перевод М. Соболя, с. 316)

В сюжете поэт знакомит читателя с абхазской семьей, проживающей в селе Уарча, в которой рос любознательный мальчик, сам Дмитрий Гулиа. В этой семье маленький Дмитрий запечатлел образ Григория («Гиргуала») Петрова, который принят был в дом как член семьи (образ вымышленный).

События, о которых поэт говорит устами своего отца и личными впечатлениями пережитого, дают ясное представление о происходившем. Трогательны картины страдания народа как на своей земле, так и на чужбине. Они воспроизведены поэтом устами родного отца:

* * *

Тысячи умирали,
живые за морем стонали,
цепи звенели и спин разогнуть не давали.
К мертвой груди материнской
тянулись голодные дети...

Ко всему бедственному положению, переданному в сжатой впечатляющей форме, дается заключение:

«Нет! Мы запомнили жгучие слезы
у махаджиров в печальных очах,
и не заставят нас войны, и беды, и грозы
бросить родимый очаг!»

В пору, когда турецкие варвары окружили дом Гулиа, чтобы выселить семью, отец Д. И. Гулиа стал сопротивляться, за что жестоко поплатился. Совершены были убийства, и дом был подожжен. Когда сгорал в пламени огня дом — вековой очаг предков Гулиа, а живых прикладом оружия гнали к берегу моря, чтобы отправить в Турцию, маленький Дмитрий, отрешенный от всего родного, оставался с единственным предметом — игрушечным корабликом в руках. Кораблик этот был сделан для малыша Григорием. С ужасом пожара в глазах, оставив тела убитых — Григория Петрова и родного дяди, маленький Дмитрий вместе с родителями должен был отчалить на турецком корабле к чужим берегам. Эту неизгладимую в памяти картину поэт зарисовал в следующих строках:

* * *

Мой отец хотел в своем дому
факельщикам преградить дорогу,

но, прикладом сбитый, у порога
падает. На выручку к нему —
Гиргуал и дядя мой. Но быстро
грянул выстрел.
И еще раз выстрел.
Оглушенный, вижу я в дыму
их двоих у ног моих простертых...

И далее об изгнанной семье и об единственном предмете, оставшемся в детских ручонках будущего поэта-просветителя:

* * *

Нас вели на берег под конвоем;
под прицелом труден каждый шаг.

* * *

Все погибло, все в огне пропало,
лишь в руках — кораблик Гиргуала...
От тебя осталось очень мало,
мой
родной
очаг!

Как же введен в сюжет поэмы Григорий? Солдат русской армии — Григорий Петров после тяжелого ранения находит приют в доме Гулиа, как в родной семье.

* * *

...Жил человек в родительском дому
с одной ногой;
а вместо той, другой...—

* * *

сухая деревяшка, не простая:
отец ее вытачивал три дня.
И, сделав «ногу» гладкой и блестящей,
приладил другу вместо настоящей...

* * *

У нас в семье он бабушке был сыном,
его считал отец мой побратимом...

* * *

Он другом был родного очага...

* * *

Вот кто он был, тот самый Гиргуал,
солдат, что в битвах ногу потерял...

(Перевод М. Соболя, с. 313—314)

Личное переживание семьи Гулиа, кратко отраженное в биографии поэта, в поэме получило несколько иное освещение. Д. И. Гулиа, охваченный широким художественным обобщением явлений, минуя в некоторой мере детали личного переживания и личной трагедии, переходит к оптимистической концовке, к осмыслению фактов в ином плане, акцентируя то, что благодаря сложившимся обстоятельствам семья не отрывается от родной почвы и очаг родного дома, родной семьи вновь возрождается к жизни.

В поэме яркой нитью проходят интернациональные мотивы единства народов.

Таким образом, сюжет поэмы к развязке получает художественно-осмысленный положительный исход, заключающий в себе возрождение жизни горского народа.

Глубоко выношенное лиро-эпическое произведение «Мой очаг»* заинтересовывает читателя оригинальным раскрытием фактического материала, в основном вытекающего из самой жизни. Компактно и своеобразно композиционное построение поэмы. Язык поэта предельно ясен, образен и чист. Поэтические строки, а порой отдельно взятые, интонационно выделенные слова, или даже паузы, выражают глубину трагизма того или иного факта, того или иного происшествия.

В лирический цикл стихов Д. И. Гулиа, написанных под рубрикой «Мой город», вошли стихи: 1. «Тень»; 2. «Желтая смерть»; 3. «Год двадцать первый»; 4. «Городской сад»; 5. «Цветы на улицах»; 6. «Друзья». Эти лирические стихи составляют в какой-то мере композиционную целостность, тяготеющую к поэме, и позволяют представить себе в контрасте прошлое с настоящим.

В стихах «Тень» и «Желтая смерть» представлен в живых реалистических картинах облик разоренного и запущенного города Сухума в прошлом:

* * *

Ну, кому нужны руины,
Город-прах и город-тлен?..

* * *

Нет, не город — просто тень...

---

* К теме «махаджирства» Д. И. Гулиа обращался еще в 30-х годах в поэме «Песня об Абхазии», в которой нет отклонений от известных фактов из жизни Д. И. Гулиа и его семьи.

Предстают перед глазами варварские нашествия иноземных захватчиков, которые наживались богатством края. Не обходит поэт намерений заезжих купцов, работорговцев и обо всем том говорит с укором:

И топтал он землю эту,
Только вытоптать не смог.

(Перевод М. Соболя, с. 169)

В разоренном «пришлым сбродом» городе, как определяет поэт, подавленная убогая жизнь людей веками длилась без перемен. А «желтая смерть» — малярия в этом заболоченном крае истребляла беспомощное население, где в отчаянии кидались друг к другу за помощью:

* * *

— «На помощь!.. Мой сын в лихорадке лежит,
Опора и счастье мое!..»

А дальше о положении крестьян читаем:

* * *

И хрипом предсмертным сменяется бред.

* * *

И в доме копейки для доктора нет...

Но сквозь обобщенную трагедию народа красками кисти пробивается титаническая сила природы:

* * *

А море шумело волной,

А солнце светило с лазурных высот,
Земле улыбаясь родной.

(Перевод М. Соболя, с. 170—171)

В последующем стихотворении «Год двадцать первый» отображается революционная борьба в Абхазии и ее победа, в связи с чем поэт восклицает: «Он поднялся, город мой, и быстро в рост пошел!..».

В заключительном стихотворении «Друзья» передается великолепное ощущение, которое испытывает поэт в отношении своего города, города-курорта, куда съезжаются люди со всех концов страны:

* * *

И мне удивительно хорошо:
Отовсюду сошлись друзья!
Иду — здороваюсь с латышом,
Жму руку уральцу я.

(Перевод М. Соболя, с. 175)

Эти строки говорят о дружбе и единстве наших народов, об отношении самого поэта к людям, которых он рад видеть у себя. Существующая с давних времен традиция гостеприимства у кавказских народов вылилась здесь в новую форму и содержание — народы породнились, составляя единую многонациональную семью.

В «Балладе о спасенном пастухе» (1952) поэт рисует картину социального зла классового общества. Известно, что власть имущих порождала тяжелое, безвыходное положение трудового народа. В произведении и показывается посредством воспоминания пастуха, готового покончить жизнь самоубийством, эта трагическая картина.

В кульминации сюжета пастуха, готового утопиться в реке, застает посланец с вестью о победе Великого Октября. Данный в таком художественном решении замысел к развязке сюжетной линии обобщенно очерчивает судьбу трудового народа, возрожденного к жизни после победы Октябрьской революции, что передается величественно былинной интонацией:

* * *

А как встал пастух — совсем другой пастух:
На такого б не хватило прежних двух.
И глядит он, и шагает он не так:
Горы слушают его могучий шаг!..

Для полного представления эти слова подкрепляются заключением поэта:

Сосчитать у нас с тобой не хватит сил,
Сколько жизней дорогих от смерти спас,
Сколько заново для жизни воскресил
Золотого Октября великий час!

(Перевод М Соболя, с. 140)

*
* *

Д. И. Гулиа неоднократно обращался к теме труда. Им написаны поэма «Осень в деревне» (1947) и стихотворения «Сговорки и картинки» (1947), «В поезде» (1947), «Старик и землепашец» (1948), «Слово труженика» (1949), «Наша станция» (1949), «Рождение горы» (1951), «Рыбак» (1956), «Река» (1956), «Воспоминание о мельнице» (1959), «Над морем» (1959), «Я у моря живу» (1959).

В перечисленных произведениях малого жанра Гулиа художественным словом утверждает, что физический и умственный труд облагораживает человека, возвышает его, делает духовно богаче, физически крепче; неоднократно подчеркивает, что труд красит самого человека, окружающую среду, народ, республику, страну, наконец, планету, на которой он живет. Таков в своей основе девиз названных поэтических произведений неустанного по своей натуре мыслителя и творца Д. И. Гулиа.

Над стихотворением «Рождение горы» у Гулиа стоит эпиграф:

Трудящиеся Сухуми озеленили
и благоустроили гору в черте города,
сделав ее местом прогулок.

В стихотворении отражается два периода — прошлое и настоящее. В досоветский период высилась «гора в немой печали... И гора рыдала бы ночами, если бы горою не была», — пишет поэт. А о современном ее возрождении, когда к ней приложили свои руки трудящиеся, говорится:

Наверху огням веселым тесно,
От созвездий отступает мгла.
И гора сказала б: «Я воскресла!» —
Если б говорить она могла.
Вся в листве, обновою гордится,
Смотрит в море, юная навек...
Ну, не так ли в зеркало глядится
Молодой счастливый человек?!

(Перевод М. Соболя, с. 156—157)

Авторское видение окружающей среды, мира и действительности не является обманом зрения. Он художественно и правдиво говорит о дне вчерашнем и сегодняшнем, оттачивает свое поэтическое слово для образного воспроизведения действительности.

Результатом дорожных наблюдений служит стихотворение Гулиа «В поезде», где прошлое и современность сопоставляются уже в другом плане:

Здесь давно ль я в город пробирался,
За бока арбы рукой держался,
Буйвола хвостом я любовался,
С букварем своим не расставался!

Безотрадному реальному бытию, образно выраженному в этих строчках, противопоставлены уже картины социалистической нови, которыми восхищается поэт, будучи в пути:

Годы, годы, быстро вы проплыли!
Вижу я колхозов изобилье!
Мы летим, как на орлиных крыльях,
Чтобы дни еще светлее были.
И навстречу мне летит с разгона
Между морем и горами лес зеленый.
Каждый лист, улыбкой будто тронут,
Рвется к окнам нашего вагона [6]...

(Перевод Л. Мартынова)

Очевидно, что богатая природа, пробужденная к жизни в новых условиях, приняла окраску, гармонирующую с радостным состоянием поэта.

Тема счастья и радости под солнцем Абхазии, где труд механизирован, города и села перерождаются изо

дня в день, нашла свое отражение в стихах «Слово труженика», «Наша станция» и др.

Наряду с рассмотренными поэтическими произведениями, в творчестве Д. И. Гулиа в определенные годы послевоенного периода встречаются несколько слабые по своей художественной структуре произведения, которые несут на себе отпечаток известной в литературе теории «бесконфликтности» и «лакировки». Это поэма «Тагалан акытан» («Осень в деревне», 1947)[7], стихотворения «Чаанаозиала» (1952)[8], которое в переводе получило название «Праздничный тост» и датировано 1953 годом, и стихотворение «Сэра сысасцэа» (1952) [9], в дословном переводе «Мои гости».

«Осень в деревне» является первым крупным произведением послевоенных лет, которое посвящено созидательному труду жителей села. Поэма в переводе на русский язык подверглась значительному сокращению и шлифовке, отчего сделалась наиболее стройной и компактной. И данное поэме наименование «Из поэмы «Осень в деревне» (в изданиях 1974, 1976 гг.) свидетельствует о том, что не вся поэма дана в переводе. Если судить по переводу, то поэма состоит из 5 основных глав, именуемых: «Письмо», «Приезд сына», «Пир», «Золотая звезда», «Депутат». Эти заголовки в какой-то мере определяют композицию и сюжетную линию произведения, действие которого разворачивается после победы в Великой Отечественной войне. В подлиннике выделены лишь три главы: 1 — «Аиаира»

---

[6] Антология абхазской поэзии. М.: Художественная литература, 1958, с. 114—115.

[7] Дмитрий Гулиа. Избранное. Сухуми: Алашара, 1973, с. 83 (на абхазском языке).

[8] Там же, с. 74.

[9] Там же, с. 127—146.

(«Победа») и «Песня Смела», следующая выделена просто как 2-я глава и «Песни сборщиц чая», 3 — «Депутат» (здесь охватывается ряд разделов) [10].

Поэма, как в подлиннике, так и в переводе, начинается с письма, присланного домой фронтовиком Смелом. Получив письмо от сына, отец (Чагу) носится с ним, но не может прочесть, он неграмотен.

Герой поэмы Смел возвращается с победой из горнила войны. Восторженное состояние Смела, его наблюдения, переживания переданы образно в главе «Приезд сына».

Возвратившись с фронта, Смел принимает активное участие в созидательном труде своего села. Смел становится избранником народа в депутаты Верховного Совета СССР. И в поэме вся жизнь героя предстает в блестящих, ажурных красках благополучия.

В подлиннике поэмы много риторических длиннот, загромождающих сюжет, и отсутствует единая поэтическая стройность. Несомненно, в творческом почерке отразилось настроение поэта, которому приходилось приукрашивать действительность, обходить то, что необходимо было отразить. В результате поэма вылилась в блеклое как по форме, так и по содержанию, произведение. Хотя в поэме прослеживается единство тыла и фронта в годы войны, правдиво отражается гордость победы и созидательный труд в народном хозяйстве. Но в отношении глубокого художественного изображения жизни с точки зрения реалистического подхода к ней поэма «Осень в деревне» оказалась неполноценной, так как сама жизнь с ее сложными нюансами, имевшими место в действительности, осталась незатронутой. А поставленные в произведении проблемы решены легко, беспрепятственно.

[10] Дмитрий Гулиа. Избранное. Сухуми, Алашара, 1973, с. 127—146 (на абхазском языке).

О том, что труд должен быть неотъемлемым, превосходным стремлением, от которого мужают и духовные силы, говорится в стихотворении «Воспоминание о мельнице» (1959), в заключительных строках которого читаем: «Нет прекрасней этого желанья, жить для неустанного труда».

А о достижениях человека в процессе упорного умственного труда в области науки, в области познания секретов вселенной поэту удалось рассказать в стихотворении «Над морем» (1959), в котором поэт восхищается современной наукой, техникой и освоением космоса:

Летит человек! Я вижу —
Скользит над пучиной гневной,
И разум его обгоняет
Стремительный бег вселенной.

(Перевод Н. Разговорова, с. 242)

В последние годы жизни Д. И. Гулиа, находясь вдали от городского шума, на лоне величественной природы Абхазии, неподалеку от Сухуми (в Агудзерах), продолжал плодотворно работать. Произведения тех лет служат свидетельством яркого таланта творца, который не мог довольствоваться достигнутым. За год до смерти в свои 85 лет Гулиа создал ряд великолепных поэтических произведений, которые еще раз убеждают нас в том, что человеком он был необыкновенным. Если в одном из своих лирических стихотворений, написанных в 1956 году, а именно в цикле «Весенние настроения», поэт восклицает: «Я все могу», то в стихотворении «Я у моря живу», созданном в 1959 году, он

подтвердил эту мысль еще полнее в новой форме и в новых красках. Создавая выразительными средствами картину окружающей его природы, Гулиа мастерски отразил суть своего характера, суть своего назначения как постоянно мыслящего и творящего:

...Поучиться премудрости жизни у моря
Я сегодня хочу, чтоб корабль свой вести,
С ветром встречным и волнами споря.
Нет, не отдыха я ищу
В задушевной беседе с пучиной кипящей!
Чувства новые в ней почерпнуть я хочу.
Жить — как море в труде и борьбе настоящей:
Неустанно ворочая глыбы камней
И немолчно шумя всею ширью своей.

(Перевод В. Державина, с. 240)

* * *

Обращает на себя внимание любовная лирика Д. И. Гулиа, вылившаяся в великолепные поэтические произведения. Созданные в этом плане стихотворения «У моря», «Джигит», «Сон», «Чтоб она любила», написанные в 1953 году, объединены в один цикл под названием «Стихи о любви». Любовная лирика Д. И. Гулиа не может не волновать тонкостью, одухотворенностью и глубиной выраженных чувств. В данной лирике раскрывается богатое внутреннее эмоциональное мироощущение души поэта. И не случайно по поводу любовной лирики Д. И. Гулиа, созданной в преклонные годы, народный поэт Дагестана Расул Гамзатов выразил свое восхищение:

Как пишет о любви седой поэт,
читал я и не мог не удивляться.
Теперь я понял: восемьдесят лет
едва ль не возраст юноши — абхазца! [1]

В интимных стихах поэтом осознанно ставится ряд вопросов объяснимых и необъяснимых. Рассматриваются складывающиеся взаимоотношения. Например, в стихотворении «У моря» взаимная любовь предстает как огромное счастье, радость и наслаждение:

* * *

Она луны не замечает,
И ярких звезд не видит он.
И даже мерный гул прибоя
Ни ей не слышен, ни ему...
А впрочем, может, им обоим
Луна и море ни к чему?
Нельзя же мир, что полон счастьем,
Делить на составные части,
Когда любви предела нету,
Когда она — на всю планету!..
Когда, собою знаменуя
Ту страсть, что горячей огня,
Лишь поцелуи, поцелуи
Вселенную заполонят!

(Перевод М. Соболя, с. 191—192)

А о том, что чувства любви неописуемы и необъяснимы, Гулиа тут же заметил с таким добродушным юмором: «Все описал. Одну лишь малость — Сердце-

[1] Газ. Советская Абхазия, 21 февраля 1979 г.

биение — Исключил». Причем эти последние заключительные строки поэт особо выделил, выразив иронию к самому себе за то, что самого главного — «жаркого дыхания» не смог «зарифмовать». Тогда как здесь из-под пера поэта предстает по существу наиболее полно величие чувств в великолепных красках.

Как же подходит Д. И. Гулиа к разрешению вопроса, когда глубокая, но сдержанная любовь двух кристально чистых сердец омрачается горем, какое мы встречаем в стихотворении «Джигит»? Здесь поэт намеренно обращается к былинной форме и подводит читателя к сути самой трагедии, придавая национальный колорит:

Жил джигит, говорят, на абхазской земле.

* * *

И красавицу девушку в нашем селе
Тот джигит полюбил, говорят.

* * *

И о том, что любимый сражен наповал,
Было попросту сказано ей.
Только брови ее незаметно сошлись,
Был в глазах ее странный покой.
Но до гроба она повторяла всю жизнь
Имя друга с глубокой тоской.
Говорят, что различной бывает любовь.
Что бывает она и такой...

(Перевод М. Соболя, с. 193—194)

«Стихи о любви» Д. И. Гулиа насыщены духовной красотой и целомудренными чувствами. Эти стихи глубоко лиричны, художественны, выразительны. Они удивляют полнотой отразившихся в них духовных красок, психологических нюансов жара души и пыла чувств. Стихи эти поразительно свежи, оригинальны, пронизаны они добротой, искренностью, глубоким ощущением чувства прекрасного, в связи с чем мир представляется богаче и краше.

* * *

В поэтическом наследии Д. И. Гулиа пейзаж, явления природы, животные, насекомые и птицы... словом, вся вселенная предстает многолико, многоцветно, многозначно, как, например, в стихотворениях «На морском берегу», «Я у моря живу», «Олень», «Голубь» и др., рассмотренные выше. Все краски природы и щедроты вселенной поэтом используются с особым осмыслением. Через мир природы поэт нередко передает свои думы, стремления, переживания, желания, выражая свой идеал.

Иной раз сложно бывает распознать святую глубину поэзии Гулиа, разгадать внутренние мотивы, которые побуждали поэта на создание того или иного произведения. С целью подкрепления данной мысли обратимся к одному яркому примеру, в котором мастерски воспроизведены непокорный норов «лунной дорожки» и величие моря (стихотворение «На море», 1947).

Дорожка серебряная легла
На темно-зеленое море,
Но волны ее в осколки стекла
Превратили в яростном споре.

Но все же она опять ожила,
Легла от края до края
И море надвое рассекла,
Живым серебром играя.

* * *

Волна поднимается в полный рост
И рьяно о берег бьется,
Но этот непрочный и шаткий мост
Разбить ей не удается.

(Перевод В. Потаповой, с. 135)

Вероятно, данная классическая пейзажная зарисовка, стремление «лунной дорожки» сохранить себя, т. е. свое отражение на поверхности «яростного» бурления моря, таит в себе много мыслей и чувств. Стихотворение создано не без глубокого философского мироощущения, которое с успехом может иметь распространение и на человека, и на республику, и на страну, которые не должны терять свой облик и форму, каким бы условиям они не подвергались.

К чисто пейзажным стихотворениям Гулиа относятся «Горы» (1951), «Биение Черного моря» (1953), «Кавказ», в которых Абхазия отражается во всей своей чарующей красе.

Особое внимание заслуживает выявленная в 1972 году в личном архиве Д. И. Гулиа лирическая поэма «Апсны» («Абхазия»), написанная прозой [12]. Поэма представляет собой пейзажную зарисовку края, в ко-

[12] Гулиа Д. И. «Апсны». Алашара, № 3, 1979, с. 3—5 (на абх. языке). Здесь же указывается, что произведение не датировано, но вероятно, оно написано в последние годы жизни поэта.

торой в первую очередь поэт уделяет внимание описанию моря. Вместе с тем художник слова охватывает здесь многоцветную экзотику природы, живописуя в ней взаимосвязь, взаимовоздействие.

Имея время и возможность в дни отдыха спокойно наблюдать за морем, за природой, как отмечает сам Д. И. Гулиа, поэт задается целью описать «неописуемое». Слово «неописуемое» сказано к тому, что Гулиа принимается за поставленную цель с полным сознанием того, что невозможно художественным словом воспроизвести подлинно и краски моря и экзотику природы родного края. Но тем не менее поэт не может не приняться за глубоко волнующую его тему.

Задуманному произведению Д. И. Гулиа дает лирическое введение — «Сейчас здесь пару слов о море». Вероятно, что, завершив раздел «о море», в котором, в основном, зарисован прибрежный пейзаж в продолжение одного дня, поэт не прервал бы работу. Несомненно, данная пейзажная лирика служит началом развернутого полотна, которое, быть может, вылилось бы в лиро-эпическое или пейзажно-лирическое произведение. Автор пытается как можно полнее воспроизвести при помощи художественного слова неповторимые краски меняющегося в течение дня моря, оттеняя его характер и краски в ясную пору, в ненастье, в бурю, утром, в полдень и вечером.

Пейзажная лирика Д. Гулиа многолика и многозначна. Но, видимо, поэт оставался неудовлетворен, полагая, что в рамки строгой стихотворной формы нельзя уместить такое богатство и разнообразие красок, какое он наблюдал в природе. Потому, вероятно, Д. И. Гулиа и принялся за столь оригинальный жанр — «лирическая поэма в прозе», в котором для достижения цели максимально использует свое мастерство и воз-

можности абхазской лексики. Как бы поэт не сознавал, что краски природы Абхазии неописуемы, им все же была создана довольно подлинная живописная зарисовка, характерная для одного из уголков побережья края — Гагра.

Стройная композиция завершенного лирического раздела, богатая поэзией, пластичность созданных картин, метафоричность, сочетающиеся в произведении, позволяют судить, что раздел «Сейчас здесь пару слов о море» является поэмой в прозе, что впервые встречается в абхазской художественной литературе *.

* * *

В 50-х годах благодаря творческому вкладу Д. И. Гулиа и детская литература обогатилась великолепными поэтическими произведениями. Известны широкому кругу читателей стихи, объединенные в циклы: «В нашей деревне» (1953), «Лето в горах» (1954), «Самый сильный» (1955), в которых много мудрости, обобщений и широты мыслей.

В цикл «В нашей деревне» вошли стихи «Про солнце», «Про луну», «Доктор и старик», «Родник», «Новый дом», «Дедушкин заказ», «Телескоп», «Наш офицер» и «Часы». Стихи эти привлекают интерес детей и подростков к окружающей среде, к окружающей действительности. Обогащают их кругозор, воспитывают эстетический вкус, прививают чувство прекрасного, ни с чем несравненное чувство — чувство любви к людям:

* В тексте рассматриваемого раздела «Сейчас здесь пару слов о море» (с. 5) надо заметить, что Д. И. Гулиа не успел усмотреть того, что в двух местах проскользнуло заимствование из русского языка слово «абалкон», т. е. (балкон), тогда как в абхазской лексике существуют аналогичные по значению слова «абарца», «асоф», которыми следовало заменить в тексте слово «абалкон».

С неба смотрит Солнце
Миллионы лет.
Льет на землю Солнце
И тепло и свет.
Но посветит Солнце
И уходит прочь,
А живое сердце
Греет день и ночь.
Значит, сердце лучше
Солнца самого.
Никакие тучи
Не затмят его!

(«Про солнце.» Перевод С. Маршака, с. 254)

Цикл «Лето в горах» состоит из стихов «Абхазия», «Тропинка туриста», «Машина», «На море» и «Виноград». Дары родной республики щедро воспроизведены в стихотворении «Абхазия». Строки стихотворения воздействуют не только на чувство гостеприимства и любви к своей республике, они воспитывают интернациональные чувства, чувство дружбы и солидарности народов всей нашей страны...

* * *

Гулять под солнцем хочешь ты —
Спеши сюда, мой друг.
Ты любишь фрукты и цветы —
Они растут вокруг.
Мы гостю рады от души.

Ты хочешь к морю — поспеши
В Абхазию, на юг...

(Перевод М. Соболя, с. 261)

В стихотворениях «Лев», «Слон», «Ветер», «Море», «Река» и «Человек», объединенных под рубрикой «Самый сильный», художественно воспроизведены животные, моря, реки и человек с той целью, чтобы подчеркнуть превосходство человека над всем окружающим, о чем в заключительном стихотворении «Человек» читаем:

Он слаб в сравненье со слоном,
А сколько силы в нем!

* * *

...Дорогу волнам преградил.
И плотиной реку усмирил.
В новом русле
Река течет,
Людям свет и тепло дает.
Сравнивай теперь и гляди,
Кто сильнее всех — рассуди.

(Перевод В. Державина, с. 268—269)

Любовь к природе, к человеку воспитывают также и стихотворения Гулиа «Смелый мальчик» (1957), «Дедушка и весна» (1957), которые насыщены жизнерадостностью, весенним настроением.

Стихотворения Гулиа, написанные для детей, содержательны, логичны, стройны, красочны и жизненны, отчего легко поддаются детскому восприятию. Ценны они тем, что несравненно велико их познавательное и

воспитательное значение. Они воздействуют на детскую фантазию, наталкивают на поиски и стремления к постижению нового, неизвестного, воспитывают в растущем человеке смелость, честность, справедливость, чуткость, а также прививают чувство бережного отношения к красоте и богатству края.

Стихи Д. И. Гулиа для детей переведены на многие языки народов нашей страны. Русскому читателю они известны в переводах С. Маршака, М. Соболя, В. Державина.

В книге «Дмитрий Гулиа» (серия «Жизнь замечательных людей»), автором которой является сын поэта известный писатель Георгий Гулиа, читаем: «...стихи, переведенные Самуилом Маршаком, были хорошо встречены литературной Москвой. Маршак, делясь своими впечатлениями от стихов абхазского поэта, говорил о том, с какой внутренней свободой, с какой причудливостью... — пишет Гулиа. «Цикл стихов «В нашей деревне» и «Лето в горах» может служить образцом живой абхазской классики для детей» [13].

В своих воспоминаниях член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР Г. А. Дзидзария, подчеркивая такие многогранные черты Дмитрия Иосифовича Гулиа, как остроумие, забота о детях и находчивость, обращает наше внимание на очень важный и интересный момент периода возрождения абхазской культуры с середины 50-х годов, когда буквально на всех участках нужно было без промедления, продуманно решать важные вопросы, в которых непосредственное участие принимал и Д. И. Гулиа: «...Он деятельно участвует в решении вопросов, касающихся школы, алфавита, терминологии, первых регулярных абхазских журна-

[13] Георгий Гулиа. Дмитрий Гулиа. М.: Молодая гвардия, с. 222.

лов... Помню, как мы ломали головы над названием детского журнала, а Дмитрий Иосифович, как говорится, с ходу предложил — «Амцабз» («Пламя»)»[14].

И в этом журнале вскоре зазвучали и продолжают звучать бессмертные произведения и Д. И. Гулиа, и его последователей.

* * *

Дмитрия Иосифовича Гулиа постоянно волновали ростки творческих начинаний в области поэзии и художественной литературы в целом. Известно, насколько чутко прислушивался патриарх абхазской литературы к появлению нового голоса. Д. И. Гулиа лелеял начинание каждого, стараясь дать ему правильное направление. И в этой связи вопросам значения литературы, значения поэзии и значения самого поэта Гулиа посвящает ряд стихотворений, таких как «Знамя», «Желание», «В книжной полке», написанных в 1954 году. Мудрые советы и глубокие размышления содержат стихотворения. Так в стихотворении «Знамя» поэт пишет, что эстафету творческой работы необходимо «бережно» передать растущим «творческим кадрам», подобно тому «как прославленные в битве воины», продвигаясь вперед, «знамя победы свято передают из усталых и ослабленных рук в более сильные руки». А в лирическом стихотворении «Желание», одинаково расценивая назначение поэта и воина, взволнованно говорит:

[14] Газ. Советская Абхазия, 25 января 1974 г.

* * *

Всю жизнь свою как воин и поэт
Служить народу — выше счастья нет!

(Перевод М. Соболя, с. 200)

В связи с воспоминанием о выходе в свет первой книги стихов рождается лирическое стихотворение Гулиа «В книжной лавке», в котором сопоставлены и охарактеризованы два периода: творческое начинание самого Гулиа и условия современного поэта в настоящем. Стихотворение представляет собой форму диалога:

* * *

Стоим мы с другом, молодым
Поэтом, в книжной лавке.

* * *

Мол, вот, смотри, издать и то,
Как надо, не сумели.
И тут уж я смолчать не мог,
И я сказал ему: «Сынок,
Твой труд здесь на виду.
Об этом я не мог мечтать,
Когда решил стихи издать.
В двенадцатом году...

* * *

Издать на заработок свой,
Учительствуя в школе...

(Перевод Ю. Гордиенко, с. 201—202)

Известно, что Д. И. Гулиа в 1912 году действительно издал свою первую книгу стихов на свои трудовые деньги, а весь тираж бережно принес домой на плечах. И об этих книгах Гулиа пишет, что счастлив был раздаривать их тем, кто «букварь постиг», «освоил чтенье чудом». И мудрый наставник с гордостью рассказывает своему коллеге о положении вещей сегодня, о судьбе книг, которые «не залеживаются в кладовых», как его первая книга, и о судьбе современных писателей, имена которых вписаны, говоря словами старейшего поэта, «золотом среди других».

О бережном отношении к поэзии и к ее создателям, о близости Д. И. Гулиа к народу, о мастерстве слова и о том, что жизнь многогранна, а тематика, связанная с ней, неисчерпаема, говорится в стихах «Лесоруб», «Река», «Все» из цикла «О поэзии» (1954).

Сложность творческой работы, назначение поэта и любовь к нему отразились в лирическом стихотворении «Лесоруб»:

Но во сто раз ты будешь мне дороже,
Войдешь в сердца, народу станешь люб,
Когда стихами людям путь проложишь,
Как проложил сквозь чащу лесоруб.

(Перевод М. Соболя, с. 206)

Сравнивается русло неисчерпаемого горного ручейка с поэтическим дарованием в стихотворении «Река». Здесь о «неистощимой» подлинной поэзии, черпающей свои силы из народа, и о поэзии, уходящей своими корнями в глубь народа, читаем:

* * *

И что же увидел я? Из-под камней
Бьет струйка...

Но играет сила в ней.
Прозрачный ручеек течет, не тает —
Земля щедра, земля его питает.
И я сказал: Учись у той реки,
У ручейка, что с гор бежит лощиной.
Поэзии народной родники,
Как родники в горах, неистощимы.
Как ручейком рожденная река,
Поэзия народа глубока.

(Перевод Ю. Гордиенко, с. 207)

Лирические стихотворения Д. И. Гулиа «Юным друзьям» (1949) и «Молодым» (1955) идейно перекликаются и носят дидактический характер. Сила воздействия поучительных стихотворений велика.

Посвящать себя делу родного народа, жить и творить для блага людей, не расточая время — это то, чем жил сам поэт и к чему упорно призывал других. Эта «цель», которая сопутствовала Д. И. Гулиа всю жизнь, как девиз воспроизводится в стихотворении «Юным друзьям»:

И молодой, и старый гражданин,
Живи, трудись в своей стране широкой!
Когда бездействуешь хотя бы день один —
Ты, значит, умер на день раньше срока!
Ты жизнь свою на годы не дели
И, долгий путь делами измеряя,
За счастье вечное своей родной земли
Отдай всю жизнь — вот цель твоя прямая!

(Перевод М. Светлова, с. 147—148)

И в стихотворении «Молодым», написанном спустя шесть лет, поэт обращается к молодым:

* * *

В жизнь иди прямой тропою,
Стань для слабого защитой
И храни, гордясь судьбою,
Честь души своей открытой.

* * *

Коль делам несправедливым
Вовремя не дать отпора,
Верь: не быть тебе счастливым,
Доживешь ты до позора.

Обобщение, данное в завершение стихотворения, заставляет всматриваться в жизнь:

Не к лицу нам в жизни робость.
А в горах — давно мы знаем —
Трусость увлекает в пропасть,
Храбрость — в небо, к птичьим стаям.

(Перевод Я. Козловского, с. 214—215)

Д. И. Гулиа и до последних дней своей жизни не переставал думать о новом поколении, помогать и содействовать их начинанию, о чем свидетельствует ряд ценных статей, таких как «О поэзии и поэтах» (1953), «Думы о литературе» (1954), «Совет нашей смене» (1956), «Ответ начинающему поэту» (1957). Эти статьи насыщены богатым жизненным опытом мастера художественного слова. Они воспитывают художественный вкус, учат мастерству (в ком заложены задатки таланта), заставляют работать над собой. Гулиа настоятельно требует не останавливаться на достигнутом. В них убедительно говорится о том, что необходимо

расширять диапазон знаний; изучать духовную культуру как своего, так и других народов, и что это служит неисчерпаемым источником для творца.

В статьях Д. И. Гулиа осветил и свои личные переживания и трудности, борьбу за обретение своего голоса, своего «я». В статье «О поэзии и поэтах» по поводу своих первых шагов Д. Гулиа пишет: «Когда я начинал свой творческий путь, передо мной была замечательная русская поэзия с ее демократическими традициями. Я не знал абхазской письменной поэзии: ее не было. Зато существовало устное творчество моего народа, и я, естественно, обратился к нему в поисках национальной формы.

Теперь перед нашей поэтической молодежью — целое море советской поэзии. И в абхазской поэзии звучат голоса таких самобытных разных поэтов, как И. Когониа, Л. Квициниа, К. Агумаа и другие. Все это облегчает становление мастерства, я подчеркиваю — облегчает, но не преподносит готовых рецептов» [15].

Понятие Д. И. Гулиа о поэзии выражено формулой: «Подлинная поэзия начинается там, где торжествует и волнует наше сознание мысль, облеченная в прекрасную форму» [16]. А о назначении поэзии и ее сущности пишет: «...ее пафос заключается в ее общественном звучании, в том, за что она борется, насколько она нужна народу» [17]...

Эти и другие мысли, высказанные в статьях, быть может «не новы», как об этом говорит сам поэт (считая «необходимым» чаще возвращаться к ним), но они, эти мысли, даны в своеобразном контексте с особым чувством любви к творческой работе и индивидуальным

[15] Дмитрий Гулиа. Избранное. Сухуми, Алашара, 1973, с. 416.
[16] Там же, с. 415.
[17] Там же, с. 414.

подходом к ряду вопросов, отчего звучат они по новому.

О яркой, удивительной плодотворной деятельности Д. И. Гулиа, посвятившего всю свою жизнь развитию духовной культуры своего народа, говорит богатое и разнообразное его наследие.

О творчестве Д. И. Гулиа еще в 1936 году известный советский писатель А. А. Фадеев говорил: «Д. И. Гулиа по праву называют «дедушкой» абхазской художественной литературы. Я лично познакомился с Д. Гулиа сначала по его трудам в области этнографии. Его работы убедили меня в том, что он прекрасно знает быт старой абхазской деревни, любит и ценит абхазский фольклор.

Именно в этом, по-моему, заключается прелесть его художественного творчества. Когда слушаешь его стихи или читаешь их вслух, убеждаешься в том, что характерной чертой творчества Д. Гулиа является простота и народность.

...Живительный родник народного творчества был и остается главным источником его поэзии. В этом смысле абхазской литературной молодежи надо учиться у Д. Гулиа.

Очень важно и то, что Д. Гулиа на всем пути своего творчества был всегда далек от всяких формалистических вывертов. Он всегда вел борьбу за простоту и чистоту поэтической речи. Именно поэтому его литературный язык музыкален и звучен...

Ценной стороной его творчества является разнообразие литературных форм, которые он использует в процессе своего творчества. Ему одинаково хорошо удаются и стихи, и песни, и частушки, и проза, и драматические произведения. Это в то же время свидетельство большого поэтического мастерства.

Я считаю, что Союз Советских писателей Абхазии и Абгиз должны позаботиться о переводах сочинений Д. Гулиа на грузинский и русский языки» [18].

Сегодня произведения Гулиа переведены на множество языков. К примеру, стихотворение «Партия» звучит на 43-х языках народов нашей страны.

Удивительно разнообразны художественные приемы, средства и формы выражения мысли Д. И. Гулиа, представляющие собой огромную эстетическую ценность. Красочные поэтические определения, образные сравнения, которыми оперирует поэт, органически вписываются в ткань произведений, отчего создается целостное восприятие.

Суть принципа его поисков и находок отразилась в строках великолепного стихотворения «Горы и море» (1947):

А я лелею давнюю мечту:
Найти в короткой песне отраженье
Кавказских гор, и волн морских движенье,
Простор, и глубину, и высоту...

(Перевод В. Потаповой, с. 134)

«Простор», «глубина» и «высота», которые поэт «лелеял» как «мечту», стали присущи его творчеству, его натуре.

Диапазон лирики Гулиа необычайно широк и многообразен. В его произведениях искренне, чутко и волнующе отразилась жизнь трудовых людей почти всех континентов. В этой связи следует обратить внимание на ёмкое высказывание известных ученых Х. С. Бгажба и

[18] Владимир Потапов. ст. О пребывании А. Фадеева в Сухуми, ж. Литературная Грузия, № 1, 1974, с. 76—77.

К. Л. Зелинского: «Лирика Гулиа воодушевляет глубиной мысли и правдивостью вложенных в нее чувств. Она настраивает на высокий лад потому, что связует нас как бы сразу со всем миром» [19].

Весомый вклад патриарха абхазской литературы в сокровищницу советской многонациональной литературы по праву получил всесоюзное признание. Касаясь талантливо написанных поэтических произведений лишь последних 15 лет жизни Д. И. Гулиа, нельзя не выразить восхищения в отношении всего его многообразного творческого наследия как в области художественной литературы, так и ценного вклада в науку, искусство и просвещение, зачинателем и организатором которых являлся непосредственно сам Гулиа. Только титаническая духовная сила, высокое интеллектуальное развитие, пытливый аналитический ум, призвание и упорный труд, в сочетании с чувством гражданственности, чувством огромной любви к родному народу, к Абхазии могли способствовать столь плодотворным результатам, каких достиг Д. И. Гулиа.

[19] Бгажба Х. С., Зеленский К. Л. Дмитрий Гулиа. Сухуми, Алашара, 1965, с. 98.

Нина Павел-иԥха Лакоба
Д. И. ГУЛИА ИПОЕЗИАЗЫ АЗГУАҭАРАҚУА
(1945 — 1960 ш. ш.)
Урысшәаала

ნინა პავლეს ასული ლაკობა
შენიშვნები დ. ი. გულიას პოეზიაზე
(1945 – 1960 წწ.)
რუსულ ენაზე

Нина Павловна Лакоба
ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ Д. И. ГУЛИА
(1945 — 1960 гг.)

Рецензент **С. З. Лакоба**

ИБ 979

Редактор А. А. Авидзба
Художественный редактор П. Г. Цквитария
Технический редактор Л. И. Евменов
Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа
Выпускающий Т. С. Ахшараа

Сдано в производ. 8.05.1985 г. Подп. к печ. 11.07.1985 г.
ЭИ 00196. Типогр. бум. № 2. Формат 70 x 108$^{1}/_{32}$. Гарнит. литерат.
Высок. печ. Физич. печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отт. 2,88
Уч.-изд. л. 2,5. Заказ № 5058. Тираж 800. Цена 10 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров Абхазской АССР. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 10 коп.